

БЫВШИЙ МУЖ
КУПИЛ
МОЙ ДОЛГ

Ксения Соболева

БЫВШИЙ муж купил мой долг!

«Литнет»

2026

Соболева К.

Бывший муж купил мой долг! / К. Соболева — «Литнет», 2026

Мой долг выкупил бывший муж. Три года назад Артём Северин подписал развод так спокойно, будто вычеркнул из жизни не жену, а неудачную сделку. Я ушла без денег, без поддержки и без желания когда-либо видеть его снова. Теперь он мой кредитор. И предлагает сделку: тридцать дней работы над проектом, который когда-то был нашей общей мечтой, — и я свободна. Он думает, что купил право снова командовать моей жизнью. А я собираюсь доказать, что бывшая жена — это не собственность, не должница и не слабое место. Хотя сердце, предательское сердце, всё ещё помнит его руки. Будет: бывшие супруги, властный герой, героиня с характером, вынужденная близость, неостывшие чувства, офисные интриги и ХЭ.

© Соболева К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Новый кредитор	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Глава 1. Новый кредитор

Марина Ветрова ненавидела просить.

Не просто не любила, не стеснялась, не считала это неприятной необходимостью, а именно ненавидела — до сухости во рту, до тонкой дрожи в пальцах, до желания развернуться у самой двери и уйти куда угодно, лишь бы не садиться напротив чужого человека и не объяснять ему, почему ей нужно ещё немного времени.

Ещё две недели.

Ещё один месяц.

Ещё один шанс.

Смешное слово — шанс. В деловой переписке оно всегда выглядело прилично: реструктуризация, отсрочка, пересмотр графика платежей, временная финансовая нагрузка. В жизни же это слово пахло холодным потом, просроченными счетами, ночными таблицами в ноутбуке и кофе, который Марина допивала остывшим, потому что горячий доставался сотрудникам, клиентам, поставщикам и всем тем, перед кем она ещё пыталась изображать женщину, уверенную в завтрашнем дне.

Такси остановилось у стеклянного здания банка на Садовом кольце. Водитель оглянулся на неё через зеркало, будто собирался что-то сказать, но Марина уже открыла дверь и вышла первой, не дав ни себе, ни ему времени на разговор. Воздух был мокрым, тяжёлым, раннеосенним. Небо висело над Москвой серой мятой тканью, на которой город небрежно оставил следы фар, вывесок и чужих успешных жизней.

Марина застегнула пальто, хотя было не холодно. Просто так легче было держаться собранной. Чёрное пальто, графитовый костюм, белая блуза без лишней мягкости у воротника, волосы убраны в низкий узел. Никаких украшений, кроме тонких серёг и часов, купленных ещё в тот год, когда она думала, что умеет выбирать не только вещи, но и мужчин.

Часы она не сняла. Из принципа.

Они пережили развод, продажу машины, переезд из квартиры с панорамными окнами в двушку на окраине, первый офис в полуподвале, три налоговых проверки, один проваленный тендер и вчерашний звонок поставщика тканей, который сказал ей голосом хорошо воспитанного палача:

— Марина Сергеевна, мы вас очень уважаем, но больше отгружать без предоплаты не можем.

Все её уважали.

Поставщики уважали, но не отгружали.

Банк уважал, но требовал платежей.

Клиенты восхищались её вкусом, но задерживали оплату.

Сотрудники верили в неё, и именно это было хуже всего, потому что чужое доверие давило на плечи тяжелее процентов по кредиту.

Марина подняла голову и посмотрела на отражение в стеклянных дверях банка. Женщина напротив выглядела почти безупречно. Чёткая линия скул, спокойный взгляд, губы в нейтральной помаде, ни одной лишней эмоции. Чужой человек мог бы решить, что она пришла сюда закрывать крупную сделку, а не просить отсрочку по кредиту, который уже второй месяц висел над её студией, как люстра над старым театральным залом: красиво, дорого и в любой момент могло рухнуть на головы всем, кто снизу.

— Ты не просишь, — сказала она своему отражению едва слышно. — Ты ведёшь переговоры.

Отражение не поверило.

Марина вошла внутрь.

В холле пахло кофе, дорогой химией для пола и кондиционированным спокойствием. Банки вообще были гениальными учреждениями: они умели создавать ощущение, что деньги — это не кровь бизнеса, не нервы, не чужой труд и не бессонные ночи, а аккуратные цифры в таблицах, которые можно передвигать, как кресла в переговорной. Чем больше чужих судеб проходило через это стекло и мрамор, тем тише здесь говорили.

У стойки регистрации девушка с идеальной улыбкой попросила паспорт, сверила фамилию, куда-то позвонила и сообщила:

— Марина Сергеевна, вас ожидают. Переговорная семь, третий этаж. Лифт направо.

Ожидают.

Марина мысленно усмехнулась.

Её ожидали давно. Сначала менеджер банка, который ещё весной уверял, что кредитная линия для малого бизнеса — это «удобный инструмент развития». Потом сотрудница отдела рисков, которая в июле сухо объяснила, что просрочка даже в три дня автоматически ухудшает рейтинг заёмщика. Потом начальник отдела взыскания, которому, судя по голосу, было всё равно, как называется её студия, сколько людей там работает и почему крупный заказчик не перевёл деньги вовремя.

Теперь её ожидала переговорная семь.

Номер был удачный. Семь лет назад Марина вышла замуж. Три года назад развелась. Последние четыре пыталась доказать себе, что умеет жить не только после любви, но и после доверия.

Лифт поднялся бесшумно. На третьем этаже было светло, пусто и настолько стерильно, что даже шаги звучали как нарушение внутреннего регламента. У переговорной стоял молодой мужчина в синем костюме. Он представился:

— Добрый день, Марина Сергеевна. Роман Белов, юридическое сопровождение проблемных активов.

Проблемных активов.

Не долгов. Не клиентов. Не людей, которые ошиблись сроками, расчётами или доверием. Активов.

Марина пожала ему руку.

— Добрый день.

— Проходите, пожалуйста. Кофе, вода?

— Воду.

Голос прозвучал ровно. Это было хорошо. У неё ещё оставался голос, лицо и каблуки, которые не позволяли сутулиться.

Переговорная семь оказалась угловой комнатой со стеклянной стеной, выходящей на соседнее офисное здание. Там, за прозрачной границей чужой жизни, люди сидели за компьютерами, ходили с папками, смеялись возле кофемашины. Марина поймала себя на странной мысли: где-то там тоже кто-то, возможно, сейчас не знал, как заплатить аренду к пятнице. Только отсюда все казались успешными.

Она села напротив Белова, положила сумку рядом и открыла папку с документами. Слишком много бумажной аккуратности для женщины, у которой внутри всё давно было на скотче и честном слове.

— Я подготовила обновлённый график платежей, — начала она, не дожидаясь, пока он успеет произнести свои дежурные фразы. — Мы не отказываемся от обязательств. Просрочка возникла из-за задержки оплаты по контракту с «Гранд Лайн Групп». Я приложила копии актов, переписку и гарантийное письмо. Нам нужна отсрочка на сорок пять дней. После поступления средств мы закрываем текущий платёж и выходим в график.

Белов слушал внимательно, даже сочувственно. Это было хуже, чем равнодушие. Равнодушного человека можно было ненавидеть, а сочувствующий юрист был как врач, который

уже видел снимки и знал, что операция бессмысленна, но всё равно спрашивал, хорошо ли вы спите.

— Марина Сергеевна, — сказал он мягко, когда она закончила. — Боюсь, обсуждение реструктуризации с банком уже неактуально.

Она замолчала.

Слова были простые. Ничего страшного в них вроде бы не было. Просто неактуально. Так говорили о старой версии договора, о расписании встреч, о рекламной концепции, которая устарела ещё до запуска. Но у Марины вдруг под пальцами похолодела глянцевая поверхность стола.

— Почему? — спросила она.

Белов сложил руки перед собой.

— Ваш долг больше не принадлежит банку.

Марина посмотрела на него.

Вода в стакане стояла неподвижно. За стеклянной стеной соседнего здания мужчина в сером свитере наклонился к коллеге, что-то показывая на экране. Мир продолжал жить с неприличным спокойствием.

— Простите?

— Права требования по вашему кредитному договору переуступлены третьему лицу.

— Когда?

— Вчера.

Марина почувствовала, как внутри медленно, очень аккуратно поднимается паника. Не резкая, не истеричная. Хуже. Холодная, деловая, умеющая считать. Если банк продал долг, значит, ждать больше не намерен. Если долг продан, значит, новый владелец может потребовать полного исполнения обязательств. Если это коллекторская структура, студию можно закрывать уже сегодня. А ещё можно позвонить Лене и сказать, что зарплаты не будет. Позвонить Олегу и сказать, что тот проект, ради которого он отказался от места в крупном агентстве, теперь не имеет смысла. Позвонить маме и соврать, что всё хорошо, потому что правду мама всё равно не переживёт спокойно.

— Кому? — спросила Марина.

Белов опустил взгляд в документы.

— Частной инвестиционной компании.

— Название?

Он назвал.

Марина не знала этой компании. И от этого легче не стало. За безликими названиями часто прятались люди, которые не хотели, чтобы их видели слишком рано. Она взяла ручку и записала название на полях своего графика платежей. Почерк вышел ровным. Почерк всегда предавал её последним.

— Кто конечный бенефициар?

Белов чуть заметно замялся.

Этого движения хватило.

Марина подняла глаза.

— Роман, — сказала она очень спокойно. — Я пришла сюда не на экскурсию по юридическим формулировкам. Вы знаете, кто купил мой долг. Я хочу услышать имя.

Он сделал вдох. Небольшой, почти незаметный. Но Марина всю жизнь работала с пространством, где важна была каждая деталь: угол кресла, высота света, расстояние между людьми за столом. Она видела, когда человек не хочет произносить слово, потому что слово меняет воздух.

— Артём Андреевич Северин, — сказал Белов.

И всё.

Ни грома, ни звона разбитого стекла, ни драматической музыки, которую в дешёвых сериалах щедро подкладывают под возвращение прошлого. Просто имя.

Артём Андреевич Северин.

Бывший муж.

Мужчина, чью фамилию Марина три года назад сняла с себя в суде так же официально, как когда-то надела в ЗАГСе.

Человек, который умел молчать так, что это было больнее крика.

Человек, который подписал развод с холодным лицом и поставил галочку напротив пункта «имущественных претензий не имею», будто действительно считал, что имущество — единственное, что между ними осталось делить.

Марина смотрела на Белова, но видела не его.

Она видела другой стол. Тёмное дерево. Белую папку. Свою руку без кольца. Артёма напротив — в идеально сидящем костюме, с лицом человека, который пришёл не расставаться, а закрывать вопрос. Видела, как он подписывает бумаги ровно, быстро, без паузы. Помнила, как ждала — до последней секунды ждала, что он поднимет голову и скажет хоть что-нибудь не юридическое.

Не подписывай.

Останься.

Я не верю им.

Я верю тебе.

Он ничего не сказал.

А потом секретарь забрала документы, и Марина поняла, что есть тишина, после которой внутри уже не кричат. Просто выключается свет.

— Марина Сергеевна? — голос Белова вернул её в переговорную.

Она моргнула.

— Я вас слушаю.

— Артём Андреевич хотел бы обсудить с вами условия напрямую.

Смешно.

Слишком смешно, чтобы засмеяться.

— Конечно, — сказала Марина. — Он всегда любил напрямую решать вопросы, которые сам создавал.

Белов сделал вид, что не услышал. Или услышал, но был достаточно умен, чтобы не реагировать.

— Он скоро будет.

Марина медленно закрыла свою папку.

— Вы хотите сказать, что он здесь?

— Да.

— В этом здании?

— Да.

— И вы знали это с самого начала нашей встречи?

Белов снова проявил юридическую одарённость и промолчал.

Марина встала.

— Передайте Артёму Андреевичу, что если он хотел театральной сцены, ему нужно было покупать не мой долг, а билет в драматический театр. Я не участвую.

Она взяла сумку.

В этот момент дверь переговорной открылась.

Не резко. Не эффектно. Не так, как входят мужчины, которым нужно доказать власть громкостью. Дверь просто открылась, и Артём Северин вошёл внутрь с той страшной есте-

ственностью, с которой всегда занимал любое пространство, будто оно ещё до его появления знало, кому принадлежит.

Марина не повернулась сразу.

Сначала она увидела реакцию Белова. Тот выпрямился, хотя и до этого сидел ровно. Потом — отражение в стекле: высокая фигура, тёмный костюм, белая рубашка, холодная линия плеч. И только потом позволила себе посмотреть.

Три года.

Три года — достаточный срок, чтобы человек стал чужим.

По крайней мере, так Марина себе говорила.

Артём Северин не стал чужим. Он стал опаснее, потому что память не сохранила его полностью. Память оставила только главное: руки, которые умели быть бережными; взгляд, от которого когда-то хотелось спорить и сдаваться одновременно; голос, способный одним словом заставить комнату замолчать. Реальность добавила к этому несколько новых морщин у глаз, более жёсткую складку у губ и усталость, которую он прятал так же безупречно, как прятал когда-то нежность при посторонних.

Он был красив. Непростительно, раздражающе, почти оскорбительно красив для мужчины, которого ей хотелось ненавидеть без помех.

Тёмные волосы, чуть тронутые сединой у висков. Резкий профиль. Дорогой костюм без видимого логотипа, потому что настоящие деньги не кричали названиями брендов. На запястье часы, которые Марина помнила. Она сама выбирала их ему на первую годовщину свадьбы. Тогда ей казалось забавным, что он может за десять минут купить любые часы в городе, но носит те, которые выбрала она, потому что «ты долго думала, значит, они правильные».

Он всё ещё носил их.

Марина ненавидела себя за то, что заметила.

— Марина, — сказал Артём.

Не Марина Сергеевна. Не госпожа Ветрова. Не официально, не безопасно.

Марина.

В её имени на его языке ничего не изменилось. И это было самым несправедливым.

— Артём Андреевич, — ответила она.

Белов поднялся.

— Я оставлю вас.

— Нет, — сказала Марина одновременно с Артёмом.

Юрист застыл.

Марина медленно повернула голову к бывшему мужу.

— Мне не о чем говорить с тобой наедине.

Артём посмотрел на неё внимательно. Не удивлённо. Он слишком хорошо её знал, чтобы удивляться первому удару.

— Хорошо, — сказал он. — Роман останется.

Вот так просто.

Без борьбы.

Когда-то это было одной из самых невыносимых черт Артёма: он умел уступать в мелочах так, что потом выигрывал главное. Не давил там, где другой мужчина начал бы доказывать силу, и именно поэтому с ним было трудно воевать. Ты била в дверь, которую он уже открыл, а настоящая стена оказывалась на шаг дальше.

Марина не села.

— Верни долг банку.

— Нет.

Коротко. Спокойно. Без попытки смягчить.

— Ты не имеешь права...

— Имею, — перебил Артём. — Переуступка оформлена законно. Уведомление ты получишь сегодня до конца дня. Роман подготовил копии документов.

Белов молча положил на стол папку.

Марина даже не посмотрела.

— Зачем?

Артём снял перчатки, которые держал в руке, положил их рядом с папкой и только после этого ответил:

— Потому что через пять рабочих дней банк передавал твой долг структуре, которая не стала бы обсуждать отсрочку.

— А ты, значит, благородный спаситель?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Марина прищурилась.

— Нет?

— Я не благородный. И не спаситель.

— Вот тут мы наконец-то согласны.

Уголок его губ едва заметно дрогнул. Не улыбка. Память об улыбке. Тень той версии Артёма, которая когда-то могла рассмеяться на кухне в три часа ночи, когда они ели пиццу из коробки и спорили о том, можно ли назвать серый цвет тёплым.

Марина тут же отвернулась к столу, будто документы внезапно стали важнее его лица.

— Что тебе нужно?

— Чтобы ты выслушала условия.

— Условия чего? Выкупа?

— Работы.

Она медленно подняла взгляд.

— Работы?

— У меня есть объект. Старый особняк на Остоженке. Девелоперский проект: закрытый клуб, камерный отель, пространство для частных мероприятий. Концепция провалилась дважды. Третью я хочу получить от тебя.

Марина молчала.

Не потому, что ей нечего было сказать. Наоборот. Слишком многое подошло к горлу одновременно, и каждое слово хотело выйти первым — злое, острое, недостойное, с привкусом крови.

Особняк.

Клуб.

Камерный отель.

Она знала этот проект ещё до того, как он стал проектом.

Когда-то, в первые месяцы брака, они гуляли по вечерней Москве после какого-то делового ужина. Марина была в туфлях, которые натирали пятку, Артём снял пиджак и нёс его через руку, как обычный мужчина, а не владелец нескольких зданий, компаний и проблем. Они остановились перед заброшенным особняком с закрытыми ставнями и облупленной лепниной. Он тогда сказал: «Жаль. У этого дома хороший характер». Марина рассмеялась и ответила, что дома, в отличие от людей, можно спасти, если не менять им душу.

Потом они зашли в маленькое кафе, и она нарисовала на салфетке идею: не ресторан, не очередной элитный офис, а место для тех, кто устал от мраморной роскоши. Тёплый свет, старые лестницы, библиотека, камерные залы, номера, где каждая вещь выглядит так, будто её любили до тебя. Артём слушал, подперев подбородок рукой, и смотрел на неё не как на жену, которую приятно баловать, а как на человека, который видит пространство лучше него.

— Мы однажды это сделаем, — сказал он тогда.

Она поверила.

Глупо, безоговорочно, счастливо.

— Ты серьёзно? — спросила Марина сейчас.

— Да.

— Ты купил мой долг, чтобы заставить меня работать над нашей старой идеей?

— Я купил твой долг, чтобы его не купили люди, которые за месяц разобрали бы твою студию по винтикам. Проект — предложение.

— Предложение, от которого я, конечно, могу отказаться?

Артём посмотрел на неё.

И этого взгляда хватило.

— Можешь, — сказал он. — Но тогда долг остаётся в силе. Полностью. С текущими штрафами и графиком погашения.

Марина тихо рассмеялась.

Белов опустил глаза.

— Как щедро.

— Марина...

— Нет, не надо. — Она подняла ладонь. — Не произноси моё имя таким тоном. Оставь его для женщин, которым ещё нравится путать контроль с заботой.

Удар попал. Она увидела это по глазам Артёма. Не по лицу — лицо он держал безукоризненно. Но глаза на мгновение потемнели, будто где-то далеко закрылась дверь.

— Я предлагаю тебе договор, — сказал он. — Тридцать дней. Тыходишь в проект как руководитель концепции. Получаешь полный доступ к объекту, команде, бюджету в рамках утверждённых лимитов. По завершении работы и утверждении проекта инвесторами долг твоей студии закрывается в полном объёме.

— А если инвесторам не понравится?

— Понравится.

— Какая уверенность.

— Я видел, как ты работаешь.

Эта фраза была хуже угрозы.

Марина сжала пальцы на ремешке сумки.

— Ты не видел, как я работаю последние три года.

— Видел.

Тишина стала другой.

Не пустой. Настороженной.

Марина медленно спросила:

— Что это значит?

Артём не отвёл взгляда.

— Я следил за рынком.

— За рынком?

— За твоей студией.

— Называй вещи своими именами. За мной.

Он промолчал.

И этим подтвердил больше, чем мог бы подтвердить словами.

Марина вдруг почувствовала не злость даже, а тошнотворное, унижительное тепло где-то под рёбрами. Он знал. Всё это время знал. Знал, как она открывала маленький офис. Как брала первый кредит. Как радовалась первому крупному заказу. Как ночами таскала образцы тканей на такси, потому что водитель грузовика сорвал доставку. Как провалился контракт с «Гранд Лайн». Как она перестала покупать себе новые вещи и начала улыбаться сотрудникам чуть чаще обычного, чтобы они не догадались.

Он был где-то рядом. Не рукой, не голосом, не плечом. Деньгами, информацией, наблюдением.

Самый северинский способ присутствовать в чужой жизни: так, чтобы человек не мог ни попросить, ни отказать.

— Ты следил за моим бизнесом, — сказала она. — Три года.

— Да.

Без оправданий.

Марина кивнула, будто получила последний недостающий документ.

— Спасибо за честность. Теперь мне хочется ударить тебя папкой не эмоционально, а осознанно.

Белов кашлянул. Возможно, подавил смешок. Возможно, подавился собственной карьерой.

Артём посмотрел на него так, что юрист снова стал частью мебели.

— Условия можно обсуждать, — сказал Северин.

— Правда?

— Да.

— Тогда первое условие: ты возвращаешь долг банку и забываешь мой номер.

— Нет.

— Обсудили.

Она шагнула к двери.

— Марина.

На этот раз в голосе прозвучало что-то такое, от чего она остановилась. Не просьба. Артём Северин просил редко и плохо. Скорее предупреждение, за которым стояло не его самолюбие, а что-то более тяжёлое.

— Не уходи из упрямства.

Она обернулась.

— Я из упрямства не ушла бы три года назад. Тогда я ушла из уважения к себе.

Он замолчал.

И впервые за всю встречу Марина увидела не кредитора, не бывшего мужа, не мужчину, который купил её долг и явился в дорогом костюме смотреть, как она будет выкручиваться. Она увидела человека, который помнил тот день не хуже неё. Просто, в отличие от неё, научился делать вид, что память — это актив с нулевой ликвидностью.

— Твой бизнес в опасности, — сказал он наконец.

— Не тебе мне это объяснять.

— Тогда не веди себя так, будто речь только о твоей гордости.

Она резко выдохнула.

— Не смей.

— Речь о людях, которые у тебя работают. О проектах, которые ты уже взяла. О поставщиках, с которыми ты потом не рассчитаешься. О репутации, которую ты строила три года.

— Не смей, Артём.

— Я не даю.

— Ты купил мой долг!

— Потому что иначе завтра с тобой разговаривали бы не в переговорной.

— Ах вот как. Значит, я должна поблагодарить?

— Нет.

— А что должна?

— Подумать.

Слово ударило почти физически.

Подумать.

Он и тогда говорил так же. Не кричал, не обвинял, не оскорблял. Просто просил подумать, подождать, дать время, разобраться. Всё было разумно. Слишком разумно для женщины, у которой на глазах рушился брак, а муж вместо того, чтобы обнять, строил схему проверки.

Марина подошла к столу и взяла папку Белова.

— Я заберу документы.

— Конечно, — сказал юрист с явным облегчением.

— И дам ответ после консультации с адвокатом.

Артём кивнул.

— До шести вечера.

Она посмотрела на него.

— Что?

— Ответ нужен до шести вечера. Завтра утром команда выходит на объект. Если ты согласна, я включаю тебя в проект. Если нет, запускается стандартная процедура взыскания.

В горле стало сухо.

— Стандартная процедура взыскания, — повторила она. — Как красиво ты говоришь.

— Как есть.

— Нет, Артём. Как тебе удобно. Между этими вещами большая разница.

Она вышла из переговорной, не хлопнув дверью. Это было её маленькой победой. Когда очень хочется хлопнуть дверью, не хлопнуть — почти акт высшей аристократии.

В коридоре Марина дошла до лифта, нажала кнопку и только там позволила себе вдохнуть глубже. Воздух не пошёл. Застрял где-то в груди.

Лифт приехал пустым. Она вошла, нажала первый этаж и увидела своё отражение в зеркальной стене.

Выглядела она всё ещё прилично.

Вот что было удивительно: человек может внутри падать с высоты девятого этажа, а снаружи у него просто немного бледнеют губы.

Телефон завибрировал, когда она вышла из банка.

Лена.

Марина закрыла глаза на секунду и ответила.

— Да.

— Марин, ты где? — голос Лены был бодрым, но натянутым. Так бодро люди говорят, когда уже готовы к плохим новостям, но всё ещё надеются, что плохие новости опоздают. — Поставщик по свету опять звонил. Я сказала, что ты на встрече. Они хотят сегодня хотя бы гарантийное письмо. И Олег спрашивал, можно ли согласовать макеты по «Северной мануфактуре» без тебя, потому что клиент уже третий раз переносит созвон. А ещё...

— Лен.

— Да?

Марина остановилась под козырьком у входа. Дождь усилился, стёкла машин покрылись мелкими нервными точками.

— Скажи честно. Если в этом месяце задержим зарплату на неделю, Олег уйдёт?

На другом конце стало тихо.

Лена не стала утешать. Именно поэтому Марина держала её рядом все три года. Хороший администратор мог найти нужный документ за пять минут. Хорошая подруга — не врать там, где ложь звучит как издевательство.

— Не знаю, — сказала Лена наконец. — Он не хочет. Но у него ипотека. У Кати садик. Ты же понимаешь.

— Понимаю.

— Марин, встреча плохо прошла?

Она посмотрела на серое небо.

- Интересно прошла.
- Это хуже, чем плохо?
- Пока не поняла.
- Ты приедешь?

Марина хотела сказать да. Сесть в такси, приехать в их маленький офис, где пахло кофе, картоном, тканями и чужой надеждой. Сесть за стол, открыть ноутбук, сделать вид, что всё под контролем. Потом вечером запереться в туалете и впервые за год расплакаться так, чтобы никто не слышал.

Вместо этого она сказала:

- Через час. Сначала мне надо кое-куда заехать.
- К адвокату?
- Почти.

Она отключила звонок и открыла список контактов. Палец завис над именем Игоря Демидова — юриста, с которым она познакомилась ещё во время развода. Он тогда сказал ей, что брачный договор составлен жёстко, но не смертельно, а потом добавил, что в её случае самая дорогая ошибка — не имущество, а попытка уйти красиво.

«Красиво уходят только те, кто потом не вынужден начинать с нуля», — сказал он.

Марина тогда всё равно ушла красиво.

Без скандалов. Без интервью. Без попытки оторвать у Северина кусок побольше. Без того, чтобы рассказать его деловым партнёрам, каково это — быть женой человека, который доверяет тебе ровно до первого подозрения.

Она набрала Демидова.

Он ответил на четвёртом гудке.

- Марина Сергеевна? Давно вас не слышал.
- Игорь Павлович, добрый день. У меня срочный вопрос.
- Слушаю.
- Мой кредит переуступили частной компании. Конечный бенефициар — Артём Северин.

Пауза была короткой, но выразительной.

- Вот как.
- Очень юридический комментарий.
- Я выбираю цензурные формулировки. Какие условия?
- Он предлагает закрыть долг, если я тридцать дней работаю над его проектом.
- А если отказываетесь?
- Взыскание.
- Сумма?

Марина назвала.

Демидов тихо присвистнул.

- Неприятно.
- Спасибо, я как раз не была уверена.
- Документы есть?
- Да.
- Присылайте сканы. Но предварительно скажу: если переуступка оформлена корректно, сам факт того, что кредитор ваш бывший муж, сделку незаконной не делает.
- А шантаж?

— Зависит от формулировок. Если он предлагает коммерческий договор в обмен на реструктуризацию или списание части долга, это не шантаж. Это мерзко, но законно.

Марина закрыла глаза.

- Замечательно.

— Марина, — Демидов впервые за разговор убрал официальный тон. — Вопрос не только юридический. Он хочет вас вернуть?

Она усмехнулась.

— Артём Северин не возвращает людей. Он возвращает контроль над ситуацией.

— Иногда это одно и то же для людей его типа.

— Тем хуже для людей его типа.

— Я посмотрю документы. Но если там нет ловушки хуже той, что вы описали, как юрист я скажу неприятную вещь: предложение может быть выгоднее, чем отказ.

Марина молчала.

Демидов вздохнул.

— Вы меня ненавидите?

— Пока нет. Но вы в списке ожидания.

— Тогда пришлите бумаги.

Она сбросила вызов, сфотографировала документы прямо под козырьком, отправила Демидову и ещё несколько секунд стояла на месте, не двигаясь.

Мимо проходили люди. Кто-то спешил под зонтом, кто-то смеялся в телефон, кто-то раздражённо ругался на водителя такси. Москва не замечала её маленькой катастрофы. У Москвы на сегодня был плотный график чужих бед.

Марина поехала в офис.

Студия «Ветрова. Пространства и события» занимала второй этаж старого кирпичного здания в переулке недалеко от Бауманской. Когда Марина впервые увидела это помещение, там были облезлые стены, кривой пол, странный запах влажной штукатурки и одинокая батарея, которая зимой грела только собственную ржавчину. Риелтор говорил извиняющимся тоном, будто показывал ей не офис, а тяжёлобольного родственника. Марина тогда стояла посреди будущего опенспейса и видела не облупленную краску, а свет. Не трещины, а линии. Не дешёвую аренду, а шанс.

Она сама выбирала цвет стен. Сама спорила с рабочими. Сама покупала первые столы на распродаже мебели из закрывшегося агентства. Сама вешала белые полки, на которых теперь стояли каталоги тканей, коробки с образцами, керамические чашки, макеты, подсвечники для презентаций и маленький кривой кактус, который Олег назвал Валентином, потому что «тоже колючий и никому не нужен, но мы привыкли».

Здесь всё было её.

Не подаренное. Не выделенное мужем. Не купленное чужой картой.

Заработанное.

И теперь Артём Северин держал руку на горле этого места.

Когда Марина вошла, Лена подняла голову от стойки администратора и сразу поняла, что спрашивать при всех не надо. Вот за это Марина любила её ещё сильнее.

— Кофе? — спросила Лена.

— Да.

— С сахаром?

Марина посмотрела на неё.

— С виски.

— У нас только сироп фундук.

— Тогда без иллюзий.

Олег, их ведущий визуализатор, выглянул из-за монитора.

— Марина Сергеевна, я отправил клиенту третий вариант лаунж-зоны. Если он опять скажет, что хочет «дорого, но душевно», я уволюсь и открою ларёк с шаурмой.

— Не откроешь, — сказала Марина, снимая пальто.

— Почему?

— Ты начнёшь подбирать цвет салфеток к мясу и разоришься на фирменном стиле.
Катя, младший дизайнер, прыснула со смеху. Олег покачал головой.

— Жестоко, но справедливо.

Они смеялись.

И именно поэтому Марине захотелось уйти в свой кабинет и запереть дверь. Потому что эти люди не знали, что через несколько недель могут остаться без работы, а она всё ещё принимала их смех как аванс.

Кабинет у неё был маленький, со стеклянной перегородкой и тяжёлым деревянным столом, который она купила у закрывающегося архитектурного бюро. На стене висела доска с проектами, сроками, образцами и фотографиями объектов. На подоконнике стояли книги по дизайну, кипа договоров и один старый латунный ключ без замка. Марина нашла его в этом офисе в первый день и почему-то оставила. Ей нравилась мысль, что у каждого пространства есть ключ, даже если дверь давно потеряна.

Лена принесла кофе и закрыла за собой дверь.

— Говори.

Марина села.

— Наш долг выкупили.

Лена побледнела.

— Коллекторы?

— Хуже.

— Кто может быть хуже коллекторов?

Марина подняла глаза.

— Мой бывший муж.

Лена открыла рот. Закрыла. Потом очень аккуратно поставила чашку на стол.

— Я сейчас скажу глупость.

— Говори.

— Он... зачем?

— Говорит, что спасал от коллекторов.

— А на самом деле?

— Предлагает работу.

— Это уже звучит как начало плохого сериала.

— Мини-романа, — сухо сказала Марина. — С подпиской и моральным ущербом.

Лена нервно хмыкнула, но сразу стала серьёзной.

— Что за работа?

Марина рассказала. Про проект. Про тридцать дней. Про списание долга. Про условие, по которому студия могла стать залогом, если она сорвёт сроки или откажется от обязательств после подписания.

Лена слушала молча, только пальцы у неё сжимались на блокноте всё сильнее.

— Юрист что сказал?

— Сказал, что это мерзко, но может быть законно.

— Юристы все романтики.

— Да. Особенно когда выставляют счёт.

— Марин, а если согласиться?

Марина посмотрела на неё.

Лена выдержала взгляд.

— Я понимаю, что это он. Я понимаю, что тебе хочется размазать его по стене его же дорогим договором. Но если работа реальная, если деньги реальные, если это спасёт студию...

— Ты предлагаешь мне пойти к бывшему мужу в долги.

— Нет. Я предлагаю тебе пойти к бывшему мужу как к заказчику и содрать с него столько профессионального качества, чтобы он пожалел, что купил не долг, а проблему с рыжими волосами и плохим характером.

Марина неожиданно улыбнулась.

— У меня каштановые волосы.

— В душе ты рыжая.

Марина взяла кофе. Он был крепкий, горький, без фундука и без иллюзий.

— Ты не понимаешь.

— Понимаю больше, чем ты думаешь.

— Нет, Лен. Он не просто бывший. Он... — Марина запнулась, потому что в русском языке не хватало короткого приличного слова для мужчины, который когда-то был домом, а потом превратился в адрес, куда нельзя возвращаться. — Он знает, куда бить. Даже если не хочет.

Лена села напротив.

— А ты?

— Что я?

— Ты знаешь, куда бить?

Марина медленно посмотрела на неё.

Лена пожала плечом.

— Просто уточняю. А то ты говоришь так, будто он один в этой истории вооружён.

Марина почти рассмеялась. Почти. Потом телефон на столе завибрировал.

Сообщение от Демидова.

«Документы посмотрел предварительно. Переуступка чистая. Проектный договор надо править, но база не катастрофическая. Если нужна моя личная оценка: отказываться сейчас опаснее, чем соглашаться. Позвоните, когда сможете».

Марина положила телефон экраном вниз.

Лена всё поняла без слов.

— До шести?

— До шести.

— Сколько сейчас?

— Три десять.

— У нас два часа пятьдесят минут, чтобы возненавидеть его конструктивно.

Марина закрыла лицо руками. На секунду. Совсем короткую. Потом убрала ладони и снова стала той женщиной, которая не имела роскоши развалиться.

— Подними все материалы по нашей старой концепции камерного пространства.

Лена моргнула.

— Какой старой?

— Очень старой.

— У нас есть?

— У меня — да.

— Марин...

— Не спрашивай.

Лена не спросила.

Когда она вышла, Марина открыла нижний ящик стола. Там лежали вещи, которые не имели отношения к бизнесу, но почему-то пережили все переезды: старый блокнот, несколько фотографий объектов, пропуск на первую профессиональную выставку, где её студия получила маленькую, но настоящую награду. И папка без подписи.

Марина достала её.

Внутри были салфетки.

Глупо. Смешно. Почти жалко.

Салфетки из кафе, которого, возможно, уже не существовало. На одной — набросок плана первого этажа. На другой — список слов: «тихий свет», «старые книги», «дерево», «латунь», «не роскошь, а память». На третьей — каракули Артёма: стрелка, подпись «здесь бар», ещё одна стрелка, «здесь ты будешь спорить с подрядчиками», и внизу, его почерком: «Дом с характером».

Марина смотрела на эти салфетки долго.

Дурацкие, пожелтевшие, хрупкие бумажки.

Когда-то она не выбросила их, потому что думала: однажды покажет детям и скажет, что всё большое начинается с ерунды, нарисованной между двумя чашками кофе.

Потом не выбросила из злости. Пусть лежат. Пусть доказывают, что когда-то Артём Северин умел мечтать не только бизнес-планами.

Теперь эти салфетки стали уликой против неё самой.

Она всё ещё помнила.

В четыре сорок пять Марина отправила Демидову правки, которые хотела внести в договор, и список условий. В пять десять получила от него короткое: «Жёстко, но разумно». В пять двадцать позвонил Белов и сообщил, что Артём Андреевич готов обсудить корректировки лично.

— Передайте Артёму Андреевичу, — сказала Марина, — что я приеду к шести.

— В банк?

— Нет. К нему в офис. Раз уж он решил играть в большого кредитора, пусть сидит на своём троне.

Белов помолчал.

— Я отправлю адрес.

— Я его знаю.

Она действительно знала.

Северин Девелопмент занимала верхние этажи башни в Москва-Сити. Марина была там много раз, ещё в браке. Тогда сотрудники вставали при виде Артёма и улыбались ей так, как улыбаются жене владельца: уважительно, осторожно, без попытки понять, кто она отдельно от него. Она ненавидела эти улыбки. Тогда ещё мягко, без настоящей боли. Потом поняла, что это была репетиция будущего.

К шести она вошла в знакомое лобби с мраморным полом и высоким потолком, где свет падал так идеально, будто его утверждали на совете директоров. На ресепшене девушка назвала её по имени ещё до того, как Марина успела представиться.

— Артём Андреевич ожидает вас. Лифт уже вызван.

Конечно.

У Северина даже лифты были заранее готовы к неприятным разговорам.

Наверху её встретила не секретарь, а сам Белов. Видимо, Северин решил не рисковать лишними свидетелями. Или, наоборот, хотел показать, что всё официально.

— Марина Сергеевна, сюда.

Приёмная почти не изменилась. Только картина на стене была новая: абстрактные серые линии на белом фоне. Дорого, холодно, без единого пятна, за которое мог бы зацепиться взгляд. Очень в духе Артёма последних лет. Или той версии Артёма, которую Марина себе запретила жалеть.

Он ждал в кабинете.

Большие окна, вечерний город, тёмный стол, кожа кресел, несколько папок, ноутбук. Никаких фотографий. Никаких личных вещей, кроме часов на запястье и ручки, которую он крутил в пальцах, когда думал. Марина заметила это движение и разозлилась на себя за то, что заметила.

— Ты вовремя, — сказал Артём.

— А ты удивлён?

— Нет.

— Тогда не начинай с банальностей.

Белов опустил в кресло у края стола и открыл ноутбук. Марина села напротив Артёма, положила перед собой папку и достала свои правки.

— Мои условия.

Артём протянул руку.

Она не дала.

— Я читаю.

Он посмотрел на неё. Потом убрал руку.

— Слушаю.

— Первое. Я вхожу в проект не как должница, а как независимый подрядчик и руководитель концепции. Это фиксируется в договоре.

— Согласен.

Марина на секунду сбилась. Она ожидала спора.

— Второе. Все решения по визуальной, событийной и пространственной концепции проходят через меня. Ты можешь отклонить бюджет, но не можешь менять идею за моей спиной.

— Согласен.

— Третье. Моя команда остаётся моей командой. Никто из твоих людей не имеет права давать им распоряжения без моего согласования.

— Согласен.

Она прищурилась.

— Ты решил соглашаться со всем, чтобы меня напугать?

— Пока ты говоришь разумные вещи.

— Как мило.

— Продолжай.

— Четвёртое. Никаких платежей моей студии без моего письменного согласия. Никаких закрытых счетов, авансов, подарков, внезапной помощи и прочих попыток сыграть в доброго царя.

Артём помолчал.

— Это может навредить срокам.

— Это может спасти тебе лицо. Потому что если я узнаю, что ты опять полез в мои дела деньгами, я уйду.

— Даже если это поставит студию под удар?

— Особенно если это поставит студию под удар. Я устала выбирать между банкротством и твоей заботой.

Белов уткнулся в экран с таким видом, будто вносит правки в договор, а не присутствует при вскрытии старой раны без анестезии.

Артём наконец сказал:

— Согласен. С оговоркой: если задержка платежа по твоей стороне угрожает реализации проекта, мы обсуждаем это в течение суток.

— Обсуждаем. Не решаешь сам.

— Обсуждаем, — повторил он.

Марина кивнула.

— Пятое. Ты не лезешь в мою личную жизнь.

— Уточни.

Она усмехнулась.

— Что именно вызывает трудности? Слова «не лезешь» или «личная жизнь»?

— Я хочу понять юридическую формулировку.

— Юридически: никакого сбора информации обо мне, моей семье, моих сотрудниках и моих личных обстоятельствах, не относящихся к проекту.

— Сотрудники относятся к проекту.

— Не притворяйся тупее, чем ты есть.

Артём чуть наклонил голову.

— Согласен.

— Шестое. Ты не говоришь со мной как с женой.

Вот теперь он не ответил сразу.

В кабинете стало слишком тихо. Даже город за окнами казался декорацией, в которой забыли включить звук.

— А как я говорю с женой? — спросил он.

Марина почувствовала, как внутри что-то дёрнулось. Опасная тема. Опасный голос. Опасная память: Артём на кухне, Артём в постели, Артём в коридоре у двери, Артём, который однажды сказал ей «иди сюда» так тихо, что она пришла, хотя собиралась ещё полчаса обижаться.

Она заставила себя смотреть прямо.

— Так, будто имеешь право.

Он принял удар молча.

— Согласен.

— Седьмое. Если я выполняю работу в срок и проект утверждается, долг моей студии закрывается полностью. Не реструктурируется, не замораживается, не переносится. Закрывается. Документально.

— Да.

— Восьмое. Если проект срывается по причинам, не зависящим от меня или моей команды, взыскание не запускается до выяснения обстоятельств.

— Согласен при условии независимого аудита.

— Согласна.

— Девятое? — спросил Артём.

Марина закрыла папку.

— Девятое не в договор.

Он смотрел на неё.

— А куда?

— В память.

— Говори.

Она наклонилась вперёд, не сильно, ровно настолько, чтобы каждое слово легло на стол между ними и осталось там.

— Если ты хоть раз используешь наше прошлое, чтобы заставить меня уступить, я превращу эти тридцать дней в худший проект твоей жизни.

В глазах Артёма мелькнуло что-то почти живое.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю.

— Принято.

Она откинулась на спинку кресла.

— Тогда я согласна.

Белов шумно выдохнул, видимо, забыв, что не должен демонстрировать эмоций.

— Я подготовлю обновлённую редакцию договора.

— Сегодня, — сказал Артём.

— Конечно.

— И ещё, — Марина посмотрела на бывшего мужа. — Мне нужен доступ к объекту до подписания финальной версии.

— Зачем?

— Чтобы понять, во что ты меня втянул.

— Я отвезу тебя.

Она почти сказала «не надо». Почти. Но в этом была бы слабость. Слишком очевидная. Слишком женская в старом, унижительном смысле: я не сяду с тобой в одну машину, потому что боюсь вспомнить запах твоего одеколона.

— Хорошо, — сказала Марина. — Но за рулём будет водитель.

Артём встал.

— Как скажешь.

Он снова уступил в мелочи.

Она снова почувствовала, что настоящая стена впереди.

Машина ждала в подземном паркинге. Чёрный седан с водителем, мягкий запах кожи, затемнённые стёкла, тишина. Марина села справа сзади. Артём — слева. Между ними было не больше полуметра, но этих полуметров хватало на три года, один развод, старое обвинение, непрожитый разговор и папку документов, в которой её бизнес оценивался в сумму, почти равную её достоинству.

Машина выехала в вечернюю Москву.

Некоторое время они молчали.

Марина смотрела в окно. Город плыл мимо мокрыми огнями. Вывески, фары, люди под зонтами, витрины ресторанов, где кто-то сидел за ужином и не думал о кредитах. В отражении стекла она видела профиль Артёма. Он тоже смотрел не на неё, а вперёд.

Когда-то в машине они умели молчать уютно.

До брака, после первых свиданий, когда он отвозил её домой, а она делала вид, что не хочет, чтобы дорога заканчивалась. Потом уже в браке, после приёмов, где нужно было улыбаться чужим людям, они садились в машину, и Марина снимала туфли, вытягивала ноги, а Артём без слов включал подогрев сиденья, потому что знал: она всегда мёрзнет после шампанского. Он не был мягким человеком. Но он умел быть внимательным. В этом и заключалась его главная опасность.

— Как твоя мать? — спросил он вдруг.

Марина не повернула головы.

— Пятое условие.

— Это не сбор информации.

— Это попытка открыть дверь, которую я закрыла.

— Я спросил не из любопытства.

— Тем более не надо.

Он замолчал.

Прошло ещё несколько минут.

— Ты сильно похудела, — сказал он.

Марина медленно повернулась.

— А ты всё ещё считаешь, что наблюдательность заменяет такт.

— Нет.

— Тогда к чему это?

— Ни к чему.

— Хорошо. Тогда я тоже ни к чему скажу: ты поседел.

Водитель впереди сделал вид, что внезапно стал частью рулевого механизма.

Артём посмотрел на неё, и на этот раз тень улыбки была заметнее.

— Это ты виновата.

— Странно. Я три года не участвовала в твоей жизни.

— Именно.

Слова повисли между ними.

Марина отвернулась первой.

Не потому, что проиграла. Просто некоторые фразы нельзя было трогать сразу. Они взрывались с задержкой.

Особняк стоял в тихом переулке, спрятанный за временным строительным ограждением и старыми деревьями. Фасад уже частично очистили, но здание всё ещё выглядело заброшенным: тёмные окна, облупленные элементы лепнины, тяжёлая дверь, над которой сохранился каменный растительный орнамент. На воротах висела табличка с названием девелоперской компании и разрешением на реконструкцию.

Марина вышла из машины и застыла.

Она знала этот дом.

Не по документам. Не по адресу. Не по проекту.

Телом знала. Памятью.

Вот этот угол, где когда-то стояла в лужице жёлтого света от фонаря. Вот эти окна второго этажа, которые казались слепыми. Вот трещина на каменном льве у входа. Лев тогда показался ей грустным, и она сказала Артёму, что такие львы охраняют не богатство, а воспоминания.

Он тогда ответил: «Значит, ему нужен хороший архитектор памяти».

Марина сглотнула.

— Ты не сказал, что это он.

Артём подошёл к ней, но остановился на расстоянии.

— Сказал бы — ты не приехала.

— Какая редкая вспышка самокритики.

— Марина.

Она резко повернулась.

— Нет. Ты не имеешь права произносить моё имя здесь так, будто мы просто вернулись к старой идее. Ты понимаешь? Это не объект. Это не контракт. Это... — Она запнулась и ненавидела себя за эту запинку. — Это было наше.

Артём посмотрел на дом.

Вечерний свет ложился на его лицо неровно, делая его старше и честнее.

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь. Если бы знал, не притащил бы меня сюда через долг.

— Я не знал другого способа.

Марина рассмеялась. Коротко, неверяще.

— Ты серьёзно?

Он повернулся к ней.

— Да.

— Позвонить не пробовал?

— Ты бы не взяла трубку.

— Написать?

— Ты бы удалила.

— Прийти и сказать: «Марина, мне нужен проект»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.